

Проблема онтологической свободы в декадентской поэзии Ш.Бодлера и экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра. Сравнительный анализ

Компуэн Франсуаз Жаковна

Студентка

**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия**

E-mail: francoise86@mail.ru

Ж.П. Сартр и Ш. Бодлер – две разные эпохи, две разные области но общая философская направленность. Попытка Сартра вникнуть в мировоззренческие странности Бодлера, объяснить их чуть ли не фрейдистским методом, раскрывает перед читателем то общее *декадентское* начало, под эгидой которого творил Бодлер и мыслил Сартр. Перед тем как подвергнуть анализу основные положения их философии, необходимо определить слово «декаденс». В общепринятом смысле оно означает разложение, упадок. Буквально же, французское «*decadence*»

(*cadence* = ритм) имеет то же лингвистическое значение, что общеизвестное медицинское понятие «аритмии», т.е. сбой в ритме. В данном случае, нас интересует сбой классического ритма развития культуры, а не упадок последней, ведь разложение и сбой суть совершенно разные понятия. Во французской поэзии такой сбой случился во второй половине XIX-го века. Главный представитель французского декаденства – «проклятый поэт» Ш.Бодлер. Во французской философии этот сбой случился позже, в период формирования атеистического экзистенциализма, т.е. в 20-30-е гг. XX-го века. Его главный представитель – Ж.-П. Сартр.

Чрезвычайно интересна оценка французского философского декаденства XX-го века поэтического декаденства XIX-го века, а точнее говоря, оправдание Сартром поэтических бесчинств Бодлера, дискурсивное оправдание интуитивно выраженных положений. Такая постановка вопроса заставляет задуматься над степенью философской близости Сартра и Бодлера. В чём же она заключается? Какая общая тема объединяет их? Скорее всего, тема онтологической свободы в рамках полного атеизма. Соотношение онтологического и онтического в тех же рамках.

Итак, бодлеровские тезисы в изложении Сартра звучат следующим образом :

1. Онтологическое созерцание онтического равносильно самосозерцанию субъекта. Такова особенность бодлеровского *индивидуализма*.
2. Проблема самосознания можно проиллюстрировать через пример «плоти и палача». Я есть одновременно плоть и палач, рука и нож, следовательно, я осознаю себя через боль, я *есть* сознание моей же боли. Такая концепция позволяет нам говорить о «*долоризме*» бодлеровского индивидуализма.
3. Из этого долоризма вытекает проблема декадентского мазохизма. Она двояка, ибо заключается как в добровольном ограничении собственной свободы, так и в боязни подлинной «экзистенциальной свободы», т.е. ответственности за свои поступки и за моральный оттенок привлечённых средств. На этой стадии возникает парадокс, имеющий прямое отношение к обстоятельствам экзистенциального выбора. Экзистенциальный субъект считает себя абсолютно свободным в силу этической амбивалентности обстоятельств выбора, что предполагает относительность моральных установок. Бодлер опасается этой относительности, извлекая из своей боязни мазохистское удовольствие. Попросту говоря, это патология. И всё же, вникая в природу бодлеровского мазохизма, Сартр, в поддержку своей теории, обращается к кьеркегоровскому теистическому экзистенциализму, согласно которому «Человек *есть* его же тревога». Это «тревога Авраама», тревога, порождённая чувством ответственности за... Она сопровождает мои этические сомнения но и определяет каждое моё действие, являясь его полноценной

частью и началом. Экзистенциальная свобода определяется действием, действию сопутствует тревога, следовательно, Бодлер – скрытый или латентный экзистенциалист, долоризм которого вытекает из поэтического восприятия «тревоги». Абсолютно ли свободен человек, чьё действие отмечено тревогой? Сартр отвечает в фаталистичном русле: « Человек не может выйти за пределы своей субъективности ». Получается, что реакция Бодлера вполне адекватна. Он неисправимый квиетист и псевдо-мазохист, ибо не в своей ли запредельной тревоге вдвойне силён « рыцарь веры » Авраам? А его квиетизм обусловлен невозможностью достичь религиозной стадии, связать моральный императив с божественным замыслом. Бодлер не может отрешиться от Бога, в связи с чем ему удобнее считать себя пассивным нигилистом, чему, судя по всему, способствует астенический тип нервной деятельности. Он дразнит общество, видя в нём Судью и Бога, дразнит его, желая быть наказанным Им. Это своего рода борьба с одиночеством. Таким образом, Бог становится хайдеггеровским « присутствием » и чисто бодлеровским палачом. Всё-таки, нигилизм ли это? Не совсем. В своей программе, « Экзистенциализм – это гуманизм », Сартр пытается замаскировать подобного же рода неуверенность, прикрываясь абсолютной нейтральностью своих предпосылок. В заключительном параграфе его программы мы читаем: « Экзистенциализм – это не что иное, как попытка сделать все выводы из последовательного атеизма » (...). Далее: « Экзистенциализм – не такой атеизм, который растрчивает себя на доказательства того, что бог не существует. Скорее он заявляет следующее : даже если бы бог существовал, это ничего бы не изменило » (...). Последнее заявление сбивает всю последовательность сартровского атеизма. Это ложная нейтральность, позволяющая обойти стороной недоступную Сартру проблему. Более того, коль скоро существование бога ничего не меняет, тогда к чему его опровергать? И наконец, раз уж Сартр претендует на объективность, как же он может выдвигать в качестве аналитической предпосылки недоказанный им предварительно факт? Все эти недостатки симптоматичны. Бог Сартра не « присутствие » в онтологическом смысле, а имманентизированное, благодаря его недоказанному опровержению, звено его философской схемы. Вспомним определение онтологической потенции, данное Сартром в « Бытие и Ничто » - это трансценденция субъекта, его *бог*. В темпоральном же отношении, трансценденция субъекта – его прошлое, т.к. только оно актуально. Задумаемся теперь над статусом его Абсурда в художественном сборнике « Стена » - порой этот статус демоничен, а порой божествен. Таких примеров существует великое множество.

4. Итак, Бог Бодлера – бог исключительно трансцендентный. Поэт тянется к Нему но, увы, никак не может дотянуться. Бог Сартра – бог по умолчанию, имманентный, от которого он не в силах отрешиться. Оба они, каждый по-своему, несвободны. В своём разочаровании, Бодлер поступает по-детски: он дразнит общество, отождествляя его с богом, и ожидает от него возмездия. Вот ещё одна попытка имманентизировать Всевышнего, попытка не менее искусственная, чем сартровская. В результате, гегелевское « несчастное сознание », подразумевающее конфликт между трансцендентным и имманентным началами сознания, перерастает в расстроенное сознание, т.е. поделенное на три конфликтующие части: имманентное, соответствующее онтичному миру Сартра и Бодлера, имманентно-трансцендентное, относящееся к понятиям сартровской онтологии и незрелым исканиям Бодлера, абсолютно трансцендентное, своей недоступностью дразнящее поэта-декадента и философа-экзистенциалиста. Итог несколько печален: на фоне искусственного атеизма Сартра, онтичное начало незаметно подавило имманентно-трансцендентное начало субъекта. Яркий тому пример – мучительная «Гошнота» Рокантена. Бодлер же подпадает под власть искусственного. Оболочка заменяет содержание, чувственный мир – дух, противоположенное – естественное. Онтичное поэтизируется, становясь предметом нездорового и поработящего культа. В конечном итоге, что же остаётся от столь желанной свободы? Её тень, т.е. интенция. Несвобода

субъекта двойка : 5. Человек свободен в том, что свободно желает быть несвободным. Конечно же, имеется в виду Бодлер.

6. Человек свободен в том, что желает быть свободным но это желание сводится к субъективности действующего лица. Имеется в виду Сартр.

Таким образом, Бодлера с Сартром объединяет искусственность их построений. Эта искусственность декадентна в том смысле, что связана с тупиковым путём развития западной цивилизации после её масштабных реформ, т.е. начиная уже с XIX-века. Но любой тупик можно обойти если во время спохватиться. Декадентский период – переходный.

Библиография.

1. Ж.-П. Сартр. « Бодлер». М., 2004 г.
2. Ж.-П. Сартр. « Экзистенциализм – это гуманизм». М., 1989.
3. Ж.-П. Сартр. « Тошнота ». М., 1999.
4. Ch.Baudelaire. « Les fleurs du mal ». Paris, 1980.